

Копосов Д. Р., Макарова М. М.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ОТ ЗООНИМОВ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/37.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. II. С. 101-103. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Как известно, каждое подобное образование имеет свой грамматический синоним в виде действительного причастия настоящего времени (так же с отрицанием), образованное от того же глагола: *независимый* - *не зависящий* (*зависеть*); *неувядаемый* - *не увядающий* (*увядать*); *непромокаемый* - *не промокающий* (*промокать*) и т.п. Причастие только констатирует, что действие продолжается, не близится к своему завершению; прилагательное же указывает на недоступность предмета для известного процесса, на его «сопротивляемость»: «Можно сказать: *пришлось топить сырыми, долго не сгорающими дровами* (но невозможно сказать: *долго несгораемыми дровами*)» [Пешковский 1956: 288]. То есть прилагательное характеризует предмет несколько гиперболически, представляя известное его качество как абсолютное, не сопряжённое ни с какими внешними обстоятельствами, поэтому *независимый* в какой-то мере сильнее (с точки зрения грамматической семантики), чем *не зависящий*.

Говоря, например, *этот человек независимый*, мы имеем в виду, что он свободный в принципе, это его постоянное качество, и мы не уточняем, от чего именно он не зависит. Если же нужно сказать, что кто-то (или что-то) **от чего-то не зависит**, то употребляется (как правило) причастный оборот *не зависящий от...* (обязательно с управляемыми словами). Как только появляется «от» - появляется и процессуальность (иными словами: кто-то или что-то становится независимым лишь на данном этапе времени).

С другой стороны, употребление прилагательного *независимый* (*от*) вместо причастия *не зависящий* (*от*) можно объяснить тем, что пишущий совершенно не чувствует здесь никакой процессуальности, - он просто констатирует факт, а зависимые слова служат лишь конкретизации информации, а не указанию на временную протяжённость.

Таким образом, необходимо чётко понимать, что в тех случаях, когда в самом языке заложена возможность двоякого понимания одного и того же явления, нельзя загонять пишущего в прокрустово ложе правил и лишать его возможности выразить разные смысловые оттенки, навязывая «единственно верное» орфографическое решение тем фактам, которые в языке имеют **двойной статус**. В некоторых правилах (в том числе о правописании форм причастий и прилагательных) целесообразно указывать на предпочтительность, желательность одного написания и вместе с тем допустить, не запрещать другое.

Список использованной литературы

1. **Еськова Н.А.** О написании *ни/н* в полных формах страдательных причастий и соотносительных прилагательных // Вопросы культуры речи: Сб. ст. / Под ред. С.И. Ожегова. - М.: Изд-во АН СССР, 1966. - Вып. 7. - С. 122-135.
2. **Лопатин В.В.** Адъективация причастий в её отношении к словообразованию // Вопросы языкознания. - М.: Наука, 1966. - № 5. - С. 37-47.
3. **Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII-XX вв.)** / Отв. ред. акад. В.В. Виноградов. - М.: Наука (Ленингр. отд-ние), 1965. - 500 с.
4. **Пешковский А.М.** Русский синтаксис в научном освещении / Предисл. проф. А.Б. Шапиро. - 7-е изд. - М.: Учпедгиз, 1956. - 511 с.
5. **Словарь языка А.С. Пушкина: В 4-х тт.** / Под ред. и с послеслов. акад. В.В. Виноградова. - М.: ГИС, 1956. - Т. 2. - 896 с.
6. **Тургенев И.С.** Отцы и дети: Роман // Тургенев И.С. Собрание сочинений: В 5 тт. - Т. 5. - М.: Русская книга, 1994. - С. 5-180.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ОТ ЗООНИМОВ

Копосов Д. Р., Макарова М. М.
Казанский государственный университет

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) наименований животных является одним из наиболее продуктивных источников пополнения эмоционально-оценочной лексики в русском языке. Так, в данной ЛСГ можно выделить следующие лексико-семантические варианты:

1) наименования животных с прямым, эмоционально-нейтральным значением («волк» - хищный зверь песьего рода, положительными признаками едва отличаемый от собаки, «петух» - кочет, кур, куриный самец). Необходимо отметить, что в современном русском языке зоонимы, в большинстве своем, представлены непроизводными основами, хотя с точки зрения истории языка современные производящие (и нечленимые) основы могут на определенных этапах выступать как членимые и считаться производными. Так, в слове «петух» раньше выделялся суффикс -тух, и этот зооним возможно было соотнести с глаголом «петь», но, по мнению Г.О.Винокура, такое соотношение «в современном русском языке нереально, т.к. хотя петух и поет, но петух все же не означает в нашем языке поющую птицу» [Винокур 1959: 44].

2) названия животных с переносным, эмоционально - оценочным значением («лиса» - хитрый, коварный **человек**, «волк» - кровожадный, жестокий **человек**, «теленок» - глупый, наивный **человек**). Зооморфные «метафоры» относятся к национально-культурной специфике соответствующего народа. Цель этих «метафор» заключается в том, чтобы приписать человеку некоторые признаки, которые имеют оценочный смысл, т.к. перенос на человека признаков животного подразумевает оценочные коннотации.

Необходимость помещения термина «метафора» а кавычки обусловлена тем, что, по нашему мнению и в соответствии с точкой зрения В.В.Колесова первичной схемой переноса лексического значения с оценоч-

ным компонентом является не метафора, а метонимия, что, собственно, мы и наблюдаем в описанных выше случаях. Вторичная номинация оказывается, таким образом, фактом семантического словообразования, формирует омонимическую пару (например, *лиса* – «животное» и *лиса* – «хитрый, коварный человек»). Впрочем, традиционное видение феномена как метафоры не «мешает» обсуждению предмета данного исследования, разве что вносит терминологическую путаницу, которая, как мы уже указывали ранее, для словообразования и дериватологии вообще категорически недопустима. Однако, поскольку традиция терминологической контаминации уже сформировалась, мы вынуждены балансировать на ее грани, где возможно – оговаривая различие в терминах, подчеркнем: исключительно для создания верной традиции их употребления.

3) наименования, употребляемые для обозначения предметов, значения которых развились на базе сходства с внешними признаками и качествами животных («орел» - клейменная гиля, «журавль» - брус для подьема тяжестей и др.). Интересно, что большинство таких наименований зафиксировано в языке еще до XIX века. Сюда можно отнести следующие примеры: «ерш» - зазубристый гвоздь, с насечкой, для крепости, «кошка» - плет; приспособление для поднятия какой-либо вещи со дна водоема, «баран» - орудие для разрушения стен, «лебедь» - приспособление для поднятия тяжестей» и т.п. Такие производные также продолжают сохранять словообразовательные связи с производящим словом. Обозначение предметов такие слова получают в результате сходства с животным.

Зоологические номинации составляют «подсистему» в тематической ЛСГ наименований живых существ и противопоставляются ЛСГ обозначений **человека**. Таким образом, представленная выше традиционная точка зрения на зоонимическую лексику как на единую ЛСГ, требует корректировки. Между собой названия животных противопоставляются по характеру связи с денотатом как прямые и переносные лексико-семантические варианты, то есть зоонимы и зооморфизмы.

Зооморфизмы представляют собой определенную систему, находящуюся в отношениях противопоставления как «неметафорическим» единицам, т.е. зоонимам, так и «метафорическим» (метонимическим) лексико-семантическим вариантам других номинативных существительных. Зооморфизмы являются производными по отношению к наименованиям животных с прямым, эмоционально нейтральным значением. Словообразовательным средством для дериватов данной группы является «метафора» (либо метонимия): сходство человека с животным по внешнему виду, привычкам, манере поведения. В основе разграничения производной и производящей лексем лежит семантический способ словообразования. В результате семантического словообразования, которое осуществляется путем включения слова в другой лексический разряд, зооморфизмы представляют собой так называемые омонимы по отношению к своим производящим.

Образование имен со значением лица на основе наименований животных происходит по уже существующим в языке семантическим моделям, без изменений морфологической структуры слова - действует закон аналогии, т.е. слово образуется на базе типовых словообразовательных отношений. Например, образовавшееся еще в древнерусском языке семантически производное от зоонима «медведь» обозначает «неуклюжий человек». Возникший позднее зооморфизм «слон» имеет такой же принцип образования (со значением «неуклюжий, неповоротливый человек »).

Образование наименований лица от зоонимов происходит постепенно, в процессе накопления ассоциаций, т.е. меняется семантика лексического значения (ЛЗ) производящего слова.

«Переход» зоонимов в зооморфизмы связан с народной символикой, получившей отражение в произведениях фольклора. Чаще всего в основе такого перехода лежит отрицательная характеристика, т.к. она дает толчок для последующего словопроизводства. Отрицательную характеристику у зоонимов можно увидеть уже в древнерусском языке, т.к. слова, образованные семантическим путем, существовали уже в то время. Так, в словаре И.И. Срезневского зафиксировано: «псьный»- цинический, «пес», «собака» употребляются в качестве ругательств (к последнему положению мы относимся критически – М.М., Д.К.). «Слова, развившие еще в древнерусском языке переносные значения - «скот», «зверь», «пес», «лиса» - сохраняют свою смысловую целостность до сих пор» [Харченко 1989: 79].

Семантическое словообразование у зоонимов интересно тем, что один и тот же зооним может иметь разные лексико-семантические варианты. Например, для фонематива «бык» в русском языке можно отметить два лексико-семантических варианта: 1) «крепкий, здоровый, сильный»: 2) «недовольный, упрямый». Зооним «петух» может, с одной стороны, рассматриваться, как «задиристый, самодовольный», а также как «пестро одетый». Возможны случаи, когда зооним одновременно может иметь совершенно разные, противоположные лексико-семантические варианты. Например, слово «собака»: 1) «верный, преданный, чуткий»; 2) «голодный, злой». Таким образом, многоплановость является неотъемлемым свойством зооморфизмов, то есть им присуща способность одновременно выражать несколько свойств, взаимно связанных и обусловленных в определенном типе личности. В конкретной речевой ситуации в семантике зоонимического образа происходит лишь перестановка компонентов по степени их значимости для говорящего в данный момент.

Каждый лексико-семантический вариант переживает стадию окказиональности, прежде чем прижиться и укрепиться в языке. Именно поэтому зооморфизмы можно разделить на несколько типов: 1) постоянные, т.е. являющиеся частью словарного состава языка; 2) окказиональные, или авторские.

Развитие переносного значения у зоонимов происходит благодаря наличию коннотации в основном значении, что впоследствии получает материальное выражение в переносном значении. Зооним «свинья» уже в

прямом значении имеет коннотацию неопрятности, низости, откуда появляется коннотация невоспитанности в переносном.

Именно поэтому, как считает А.В.Исаченко, очень важно существование общих элементов, которые могли бы объединять прямые и переносные значения, т.е. в качестве промежуточного звена между основным значением слова и его переносным значением вводится еще одно переносное значение, пересекающееся с первыми двумя. Так, слово «свинья» имеет две денотации: 1) дворовое животное; 2) его самка, - но также необходимо отметить и наличие двух коннотаций: 1) грязное животное; 2) нечистоплотный человек.

Ю.Д.Апресян отмечает, что в данном случае коннотация «грязное животное» должна служить своеобразным связующим звеном («семантическим мостиком») между производящим словом и зооморфизмом. Перенос значения признака на объект основывается на сравнении, обобщении и оценке.

Зооморфизмы, представляющие одну и ту же лексико-семантическую группу, находятся между собой в отношениях синонимии. Каждый из зооморфизмов передает признак по-своему, индивидуально. Таким образом, следствием многоплановости зоохарактеристик является своеобразие синонимических отношений между зооморфизмами внутри одной лексико-семантической группы. Например, центр лексико-семантической группы *неловкий* составляют зооморфизмы *медведь, слон, корова, бегемот*. Однако и само свойство физической неловкости каждый из них передает своеобразно (*корова* – только о женщине; *слон* – не только крупный, неловкий, но и высокий; *медведь* – грузный, неловкий, но не обязательно высокий, может быть – косолапый). Кроме того, в каждом из этих слов присутствуют второстепенные семы, также определяющие специфику передаваемого ими основного значения: *медведь* – дикий, малокультурный, поступающий невпопад; *слон* – спокойный, терпеливый, добрый, глупый, толстокожий; *корова* – глупая, безразличная.

Таким образом, основные типы отношений в системе зооморфизмов мы видим в следующем: 1) с/о связи устанавливаются через номинативные значения зоонимов, на основе которых выделяются тематические группы; 2) возникают системные отношения между различными полями (ЛСГ) зооморфизмов и взаимоотношения между их отдельными членами, в основе которых лежат определенные личностные свойства, черты характера человека (например, *глупый, трудолюбивый, неловкий*); 3) развиваются системные отношения между компонентами в семантике одного зооморфизма (например, *орел – отважный, благородный, гордый*); 4) базой всякого отношения между зоонимом и зооморфизмом оказывается акт семантического словообразования, строящийся по готовой, издревле существующей модели, а производящая база может «отталкиваться» как от денотативного, так и от коннотативного компонента лексического значения.

Зооморфизмы остаются перспективной группой номинаций с коннотативным значением в современном русском языке. Логическим следующим шагом в исследовании данной ЛСГ будет описание новых, возникших в XX-XXI вв зооморфических единиц с точки зрения отмеченных системных отношений.

Список использованной литературы

1. **Апресян. Ю.Д.** Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – М., 1974. – 242 с.
2. **Винокур Г.О.** Заметки по русскому словообразованию. - В кн.: Избранные работы. М., 1959. – 480 с.
3. **Харченко В.К.** Переносные значения слова. - Воронеж: Издательство Воронежского Университета, 1989. - 198 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ГОВОРЕНИЮ НА ЗАНЯТИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Кузнецова С. В.

Государственный университет – Высшая школа экономики

В настоящее время значение обучения говорению, как устного вида речевой деятельности, сложно недооценить. Как часто в нашей повседневной жизни, желая узнать, владеете ли вы иностранными языками, обращались к вам с вопросом: «Parlez-vous français? Do you speak English?». Реалии современной жизни таковы, что устное общение выходит на первый план. Студенты различных факультетов и курсов, приступая к изучению иностранного языка, прежде всего, хотят научиться говорить на этом языке. Родители, стремясь дать лучшее языковое образование своим детям, прежде всего обращают внимание на развитие их способностей к устному общению на изучаемом языке. И, наконец, при прохождении собеседования для приема на работу с вами обязательно побеседует менеджер по набору персонала на предмет беглого владения иностранными языками.

Итак, говорение представляет собой устный, продуктивный вид речевой деятельности, посредством которого осуществляется устное вербальное общение.

Говорение может обладать различной сложностью, начиная от выражения удивления с помощью простого восклицания, названия предмета, ответа на вопрос и кончая самостоятельным развернутым высказыванием. Переход от слова и фразы к целому высказыванию связан с разной степенью участия мышления и памяти.

По мнению Ф. Кайнца, например, самой совершенной является та речь, пользуясь которой говорящий сознательно соотносит языковые знаки с соответствующим содержанием, обусловленным речевой ситуацией. Такая речь обозначается им терминами «инициативная» или «спонтанная». Формируя свои мысли, гово-